

# 1. ХОЗЯЙКА „КП“

Звезда 26.10.68

## РЯЖЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ

женским женщинам, тем, кто был в ту пору рядом с солдатами:

— Вы помогали нам всем, чем могли. Мы не забудем ваш подвиг!

При последних его словах будто ветерком колыхнуло людей, заполнявших площадь. Старушки потянулись к платочкам. С волнением вслушивалась в речь москвича и пожилая колхозница — пенсионерка Феодосия Семеновна Горбатенко. Подвинувшись ближе к трибуне, она всмотрелась в его лицо, обмолвилась:

— Будто бы он...

— О чем ты? — спросила ее соседка, и Феодосия Семеновна смущенно ответила:

— Так себе...

Но она продолжала думать о москвиче и потом, вернувшись в свой домик № 71 на Первомайской улице. В войну стоял у нее один командир. Чем-то похож выступавший москвич на того квартиранта. Не он ли? Но ведь тот был ранен тяжело. Пулей, навилет, чуть пониже ключицы. Тот вряд ли выжил...

Он же, Нил Александрович, после митинга, решил разыскать свой бывший командный пункт. Точно знал: размещался «КП» где-то здесь, на окраинной улочке, у берега Миуса, в ветхой, исклеванной пулями мазанке. Хозяйка ее с двумя детьми ютилась тогда в подвале. Там варила солдатам «сухой паек», стирала белье. А он, с чердака мазанки, нередко корректировал огонь артиллерии, держа связь с ротами. От-

сюда июньской ночью повел он за Миус разведчиков.\*

Вместе с тремя бойцами он незаметно переправился через узкий, пересохший в то лето Миус. Миновали «нейтралку», подползли к немецким окопам. Разведчики бросились на стоявшего возле бруствера часового, но справа, в упор, застучал пулемет. Он, комбат, одну за другой метнул две гранаты. И тут, будто стальным бичом, ударило в грудь.

Очнулся он потом в госпитале. Пролежал там с полгода, снова вернулся на фронт, только в другую часть. Позднее, после войны, он восстанавливал в памяти каждый час своей боевой жизни. Но сутки после броска гранаты под Ряженым оставались в тумане. Что с ним было тогда, а главное, чем окончилась трудная та разведка? Сумели ли взять «языка»? Правда, от ночи той смутно сохранилась одна деталь — женский голос над ним:

— Потерли, родненький.

В батальоне не было санитаров-женщин. Кто же его ободрял? Хозяйка хатки «КП»? Если б встретиться с ней теперь! Но на месте ее хатенки розовеют каменные дома. Хозяйка их тоже новые молодые. Впрочем, вон на крылечке стоит пожилая колхозница, смотрит на него.

\* Это была вторая разведка комбата Н. Зайцева. О первой, также возглавленной им, рассказывалось в очерке «Солдатская память».

Он отворил калитку и... замер. До боли знакомым показалось лицо этой женщины. В памяти тотчас всплыло имя, а он, чувствуя как пересыхает во рту, негромко окликнул:

— Семеновна?

— Я самая, — суховато ответила она. — Откуда вы меня знаете?

— Квартировал же у вас...

— Ранен был?

Под пытливым взглядом ее Нил Александрович слегка отвернул воротник пиджака:

— Вот она, метка.

На груди его, бронзовой от загара, чуть пониже ключицы, синел рубец старой раны. И всплеснула руками Семеновна, охнула:

— Да я же тебя перевязывала, сынок! Ночью, как сейчас помню, было. Стрельба поднялась на том берегу, а потом вваливается в подвал ко мне боец с раненым на плечах. Глянула я: ты, комбат. В крови, задыхаешься, воздух губами ловишь. Санитара же, как на беду, не было. Кое-как сама нашла я рану, а чем перевязывать? Бинтов-то тоже нет. На улице же гром, кутерьма, все бело от ракет. Куда побежишь? Бросилась я к своему сундучку с повязками, схватила, что было чистым.

Семеновна вдруг спохватилась: «Что же это мы на улице?». Она пригласила гостя в хату, усаживая за стол, открыто призналась: «Я же тебя в думках похоронила. Потому плох, ой, как плох был ты, когда укладывала на подводу».

Нил Александрович улыбнул-

ся: «Значит, по примете жить буду долго!» Пробуя угощенье, проговорил:

— Вы же тогда кукурузными лепешками потчевали. До сих пор вкус их помню.

— А ты солдатскими сухарями детей угощал. Сладче пряников были они ребятам.

Они дотошно перебирали в памяти общее свое фронтовое прошлое, далекую пору, когда за окном выли мины, а по улице щелкали снайперы. Семеновна, между прочим, обмолвилась:

— Когда на подводу тебя уложила, в санбат проводила, сразу же вернулась в подвал. Там, вижу, немец сидит. Весь в грязи, глаз подбит...

Оживился при этих словах ее Зайцев, поднялся, крепко пожал ее руку. Она удивилась, за что же?

— Так это же новости! Выходит, не зря провалился я в госпитале. «Языка»-то все-таки взяли!

— А как же! Мне ж тому немцу велено было обмыть глаз. Разведчики попросили, говорят в штаб надо привести его чести по чести, в приличном виде...

Ну, вот и проявилось Нилу Александровичу все, что было в те сутки после броска гранаты. Семеновна еще рассказывала о своем нынешнем житье-бытье: дочь ее вышла за муж, сын тоже вырос, самостоятельным стал. Она предложила еще погостить, но в Москве ее ждали дела, ему пора было уезжать. Прощаясь, он по-сыновнему обнял хозяйку хаты своего «КП». А когда садился в машину, провожала его вся Первомайская. Ряженские девчата махали ему руками. Старушки среди которых стояла Семеновна, прикладывали к глазам платочки. Кого же не тронет верная память солдатского сердца над которой не властно время?

А. ГОЛУЗОВ.

(Продолжение следует).